

10-16 июня 2003 г., Мурманск

Вернёмся в Калининград, понедельник, 3 июня 2003 года.

Анянова – рослая дама лет под пятьдесят - расспросила меня о Гришиной истории, спросила, с кем предстоит иметь дело – с Гришей или со мной, я ответил, что со мной, попросила показать его доверенности на моё имя и одобрила их в смысле моих полномочий. И оценила ситуацию так.

В рамках гражданского дела по иску Дерябиной к Костюченко шансов у Гриши доказать, что его обманули, ему угрожали и что денег он не брал, крайне мало ввиду отсутствия юридической доказательной базы. Такую базу можно создать лишь в ходе следственных действий по уголовному делу, которое нужно обязательно возбудить. Шансы заключаются также в том, что без Гриши, точнее, без введения его в права наследования Дерябина квартирой не может завладеть и, следовательно, может при определённых условиях пойти на мировое соглашение.

Поэтому моя задача – добиваться возбуждения уголовного дела прокуратурой по двум фактам: а) пропажи Григория и б) проживания в его квартире посторонних лиц; для чего мне следует писать из Мурманска во все инстанции, «задолбать их заявлениями», как она выразилась: вот человек обращался в УБОП, а я в милицию, ответа не последовало, а человек пропал. О том, что моя жена человека в Мурманске вроде бы видела, сообщать не надо. А что делать дальше, она со мной обсудит, когда я смогу снова сюда приехать (я сказал, что не раньше середины июля). Сегодняшнюю же встречу она предлагает оформить как консультацию, и, если у меня есть четыреста рублей, я могу заплатить их в кассу.

Я, кстати, начал разговор с того, что готов оплатить его, а она мне сказала: - Пока не будем о деньгах.

Я, разумеется, заплатил, и мы расстались, договорившись, что я могу звонить ей в любое время. Вернувшись домой, я сложил в сумку свои вещи, оставил записку Ирине и отправился в кассы Аэрофлота, чтобы улететь в Питер первым же самолётом. Билеты, однако, были только на среду, 4 июня, зато на прямой рейс Калининград-Петербург-Мурманск, и у меня появлялся ещё один свободный день здесь в Калининграде, который я решил посвятить походу в областную прокуратуру, что на улице Горького сразу за Центральным рынком.

Я явился туда утром во вторник и был внимательно выслушан симпатичной дамой – дежурным прокурором. Она приняла и зарегистрировала моё заявление с просьбой возбудить уголовные дела по фактам: 1) пропажи моего сводного брата Костюченко Г.В. и 2) проживания в его квартире неизвестных лиц, там не прописанных. К заявлению я также приложил ксерокопии заметки в «КП» и письма Гриши в УБОП.

Дама попыталась было переадресовать меня в прокуратуру Балтийского района, но я заявил, что уже был там, оттуда меня отфутболили в милицию, где я оставил заявление, на которое до сих пор не имею ответа. И вообще я не местный, завтра утром улетаю и не имею возможности по учреждениям тут околачиваться. Короче, заявление моё было принято, на его копии дама записала регистрационный номер и номер телефона, куда мне следует звонить, но не ранее, чем через месяц, пока будет идти проверка заявленных фактов.

И вот теперь я мог уезжать из Калининграда с чистой совестью – я сделал всё, что изначально хотел: восстановил все украденные у Гриши документы, необходимые для введения его в наследство, выяснил, что именно он подписал, и обратился в правоохранительные органы. После их реакции продолжу переговоры с Аняновой, а пока - скорее домой в Мурманск отправлять маму и бабулю Тоню во Владимир, принимать экзамены и готовить статьи для просидингов Апатитского семинара,

выпускать очередной номер «Вестника МГТУ» и разбираться с двумя следующими, готовить результаты для Ларисы в Миллстоун Хилл, и сёмгу ловить, наконец. Про мемуары уж не говорю.

Напоследок я ещё разок смотался на Голубые озёра, позагорал и покупался про запас перед возвращением в наши холодные края.

И они не обманули мои ожидания: после почти тридцатиградусной калининградской жары в аэропорту Мурманска меня встретили шесть градусов тепла, и вся первая половина июня оставалась холодной – от трёх по утрам до восьми градусов днём, со снежком иногда.

Проводив утром 5-го июня Сашулю и бабулю Тоню, я отправился прямо с вокзала на экзамен принимать физику у программистов-первокурсников и целый день с ними промучился, поставив восемь двоек, - школьной подготовки никакой не чувствуется, как сюда поступили?

А на следующий день меня ждал сюрприз. Открывается дверь кабинета и – явление Христа народу! – Гриша! Собственной персоной, в неопишемом совершенно виде! Таких бомжей страшных на улице нечасто встретишь: обветренная физиономия, заросшая сантиметровой щетиной, редкие волосы стоят дыбом, засаленная куртка и полиэтиленовый мешок в руках со всеми его пожитками, наверное. От Люси я уже знал, что из Москвы его обратно сюда отец с Татьяной Николаевной отправили. Катись, мол, откуда прибыл...

- Ты как сюда прошёл? Как тебя пропустили?

- Вот пропуск внизу выписал...

Я вытолкал его на нашу «чёрную» лестницу и проводил на улицу. Завёл за ларьки, чтобы не удивлять никого общением с таким чудищем, и заявил ему:

- Слушай, дорогой. Я в прокуратуру калининградскую заявление подал о твоей пропаже. И это наш единственный шанс добиться возбуждения уголовного дела. Ты почему мне не сказал, что нотариальную расписку в получении трёхсот тысяч дал?

- Не брал я никаких денег!

- А расписка-то твоя!

- Они меня зазомбировали там! Я и не помню ничего!

- Ладно. Исчезни с моих глаз и до сентября со мной на связь не выходи. Ищи работу, мужик ты здоровый.

- Саша, денег дай, пожалуйста. Кушать хочется.

- Знаю я тебя. Пропьёшь тут же.

- Нет, правда, пирожок куплю!

Дал я Грише пятьдесят рублей и распрощался с ним.

За время моего отсутствия в университете произошли два события.

Умер профессор Ольховский – ветеран судоводительского факультета, активно работавший и в свои 85 лет, регулярно и темпераментно выступавший на заседаниях Учёного совета с качественной, громкой дикцией. Умер прямо на кафедре.

И ушёл с поста ректора Гальянов. Как рассказал мне Андрей Аркадьевич Соловьёв, бывший проректор МГТУ по учебной работе, а ныне начальник Морской Академии в составе МГТУ, Гальянову давно уже предлагали место освободить в связи с достижением предельного для этой должности возраста – 70 лет, а он никак не реагировал на эти предложения.

И вот госкомрыболовства решил проблему приказом – перевёл его на должность «начальника Управления мореплавания и технической эксплуатации учебно-парусного судна «Седов» с сохранением в течение 10 лет должностного оклада и надбавок», а исполняющим обязанности ректора назначил Александра Михайловича Ершова, проректора по научной работе. Того самого Ершова, на защите докторской диссертации

которого оппонентом был Карпов, Виктор Иванович – Ванин отец покойный, царствие ему небесное.

Ершову придётся проводить грядущую комплексную проверку МГТУ, от которой будет зависеть дальнейшая судьба и МГТУ, и самого Ершова.

Саня Боголюбов вечером на нашей кафедре у заочников экзамен по физике принимает, а пока они готовятся, бегают к себе на кафедру радиотехники (она на нашем же этаже соседнее крыло занимает) и водочку там выпивает, сёмгой закусывает. Настроение у него от этого хорошее. А тут и вовсе повезло: заочники ему ведро водки принесли – шесть литровых бутылок «Флагмана».

У меня же такая история произошла.

Приходит ко мне в кабинет пара – беременная заочница с большим уже довольно животом и её муж, представившийся таможенником. И муж заявляет:

- Ваш преподаватель Краев вымогает у моей жены деньги за экзамен. Вот мы пришли сейчас, а его тут нету. Жене же рожать скоро, сами видите. Можно она Александровской будет сдавать, она у неё на дневном отделении занималась?

- У нас все студенты закреплены за преподавателями согласно их плановой нагрузке, и я не имею права обязывать кого-либо принимать экзамены у не своих студентов, да и сами преподаватели обычно категорически против этого возражают.

- Александровская согласна.

- А откуда я знаю, может, вы на Краева наговариваете, а с Александровской договорились? Или с ним не сторговались, а с ней сошлись в цене? Какие у меня основания Краеву не доверять? Ваше заявление? Если вы хотите его изобличить, подготовьте купюры, перепишите их номера, ну и так далее... Давайте, я сейчас Краеву домой позвоню и сюда вызову, а тогда и разберёмся.

Звоню Краеву.

- Александр Анатольевич, тут вас студентка-заочница беременная с мужем ожидают. Она экзамен должна вам сдавать, а просится почему-то к Александровской, поскольку, мол, Вас тут нет.

- Хорошо, я приеду сейчас, минут через сорок пять.

- Идите, готовьтесь к экзамену, - сказал я заочнице, - Краев будет через сорок пять минут.

- Она ему точно без денег не сдаст, - муж говорит. – Наверняка завалит.

- Ну, если она предмет знает на трояк хотя бы, не завалит. А завалит – проверим, комиссию соберём, я сам здесь буду весь день.

Через некоторое время ко мне Маша Князева прибегает.

- Александр Андреевич! Краев, действительно, деньги вымогает. Мы точно знаем. Берёт большие деньги и говорит, что с завкафедрой делится! А без денег он её завалит обязательно. А она все лабы и контрольные ему сдала.

- Не волнуйтесь, не по делу не завалит. А завалит, я комиссию тут же соберу, вас туда включу и сам войду. Разберёмся.

Девица пошла готовиться к экзамену. Я занялся своими делами, а через часик пошёл посмотреть, как там экзамен проходит. Прохожу мимо свободной аудитории, заглядываю туда – там Краев с мужем заочницы о чём-то беседуют.

- Какие у Вас тут дела с мужем студентки-заочницы? – спрашиваю.

- Мы просто разговариваем, объясняю ситуацию товарищу, - Краев мне отвечает.

И муж головой кивает:

- Да, вот я не понял, в чём дело, оказывается. Жена мне не так всё объяснила, вечно эти бабы нам голову морочат.

Я Краеву говорю:

- Вы лучше не с мужем беседуйте, а у студентки экзамен принимайте. Она уже сколько времени ждёт, а видите, в каком она положении.

- Да, сейчас приму у неё экзамен.

Захожу в преподавательскую. Там Маша Князева с Надеждой Алексеевной, секретарём кафедры, ко мне кинулись, докладывая, что я Краева спугнул, что он берёт, и помногу берёт, и говорит, что со мной делится, они сами слышали. Он ведь нагрузку на кафедре распределяет, и себе побольше заочников берёт, главным образом, судоводителей, кто в море ходит, и доит их всюю.

- Никто же не жалуется, как он нагрузку распределяет, - отвечаю. – А что берёт, допускаю. Они с Вихоревым уже светились когда-то на приёмных экзаменах. Да вот как только это доказать? Тем более, что желающих купить отметку – навалом, им не знания нужны, а отметки, особенно, если цена приемлемая.

Через какое-то время муж заочницы ко мне в кабинет заходит.

- Извините, пожалуйста, я тут неправильно понял, жена виновата...

- Так вымогает Краев деньги, как Вы час назад мне говорили, или нет?

- Извините, жена виновата, напутала...

- Ну, и которому из Вас мне верить – который час назад тут был или сейчас со мной разговаривает? Уговорил Вас Краев?

- Да нет, всё нормально. Извините.

Ещё через полчаса они с Краевым вдвоём ко мне заходят. Краев показывает мне направление на экзамен, выданное заочнице деканатом, в котором стоит отметка «удовлетворительно».

- Видите, у неё направление-то не на сегодняшнее число, а на девятое, а сегодня шестое. Она мне только вчера контрольные принесла. И бутылку виски принесла. Вот я её мужу вернул. Для этого и просил его приехать. Чтобы объяснить, что так не делают.

Муж подтверждает:

- Да, виноват, извините.

Ну, что мне было им сказать?

- Ступайте, - говорю. – До свидания.

Через некоторое время они опять вдвоём пришли объяснять мне свои контакты, поняли, что я их в сговоре подозреваю. Краев возмущался, что вообще нечего родственникам в университет приходить, почему их сюда пускают? Провоцируют только. Выпроводил я их, Маша Князева прибежала.

- Александр Андреевич! Вытряс он-таки из них деньги, она мне сама сказала!

- Значит, не захотела по-честному экзамен сдавать, сторговались. Что я могу поделывать? У нас народ такой – взятки любит не только брать, но и давать. Лишь бы цена была подходящей. А Краев у меня и так на примете. Доиграется.

Сестра Люба звонила из Протвино, просила узнать, когда атомный ледокол «Россия» в Мурманск приходит, там у неё приятель есть, Грешило Виктор Васильевич, 42-года рождения, хороший мужик, весёлый, она его как жениха изучает. Оказалось, что «Россия» уже давно в Мурманске, а Грешило в Москве. Любка с ним встречалась и сбежала от него, о чём радостно мне сообщила:

- Мужик хороший, но алкоголик, закоренелый холостяк. Предлагает мне за него замуж идти, но я боюсь, ну на фиг!

- И правильно боишься. Получишь ещё хомут на шею, нынче, сама знаешь, какие мужики...

С Жоркой, который уехал в Грецию, Люба ведёт бракоразводный процесс с помощью адвоката, нанятого на Жоркины же деньги, чтобы правильно составить Жоркины финансовые обязательства перед Любой. Тонус у неё вполне жизнерадостный, качественно ей психику подлечили.

Утром 12-го июня мы с Сашулей поздравили друг друга по телефону с тридцать девятой годовщиной нашей свадьбы. Сашуля велела мне в нижний ящик письменного стола заглянуть, и я обнаружил там «Воспоминания» Коровина с открыточкой, для меня приготовленные. Ирина и Люба по телефону поздравили, а от Мити с Леной я обнаружил электронное послание в своём почтовом ящике на следующий день.

Дорогие мама и папа!

Поздравляем вас с днем вашей свадьбы! Желаем, чтобы вы сохраняли любовь, доверие и понимание друг для друга. Пусть сбудутся ваши самые заветные мечты.

Крепко обнимаем и целуем.

Лена, Митя.

17 июня 2003 г., Мурманск

Правительство устроило народу каникулы с 12 по 15 июня, совокупив празднования Дня независимости, родительской субботы и Святой Троицы, а у меня 15 июня – последний срок сдачи статей в сборник трудов прошедшего Апатитского семинара, пять штук планировалось. И, как всегда, мои соавторы-аспиранты отложили всё на последний день, а потом притащили кучу своих творений на английском языке – нате, разбирайтесь! Я с ними (соавторами и статьями) возился всю субботу, 14-го числа, а в воскресенье уже в одиночестве завершал на кафедре правку оставленных мне материалов. Хорошо, когда никто не мешает, не дёргает, не отвлекает.

И тут звонок телефонный.

Сашуля из Владимира звонит. И с первого слова: - Сашенька..., - голос такой трагический, что я подумал - с мамой её что-нибудь случилось. Оказалось – нет.

- Наши дети приготовили нам очередной сюрприз. Митя с Леной. Они разводиться собрались. Спрашивают, где это можно сделать – только там, где регистрировались, или необязательно?

- О, Господи Иисусе! Только поженились, и уже разводиться? Они, что, с ума там походили?

- Я сейчас с Леной полчаса разговаривала. Она сама мне позвонила. Говорит, что не может больше одна на себе все семейные заботы тащить. Митя для семьи ничего не делает. Она на пяти работах работает, а от него не может добиться, чтобы он верхний свет в квартире сделал, ей надоело торшер по комнате переставлять! Она новые картины принесла, а он так и не научился их на стены вешать, хоть Александр Андреевич ему и показывал. Его, мол, только футбол и бридж интересуют – хотя когда это было? Её подруги смеются, когда она им рассказывает, какой у неё муж, и какие ей проблемы приходится решать!

- Ну, сын у нас известно, что безрукий, я даже удивляюсь, как он эксперименты свои проводит, но это же давно понятно! Они же больше трёх лет до свадьбы вместе

жили, познакомились, так сказать, наконец, женились, и вот - на тебе... Что же конкретно сейчас произошло? Может, Лена более подходящую кандидатуру себе нашла – немца, богатого, хозяйственного?

- Может, ей в Ветцларе такого подыскали?

- А, может, это связано с её физическим состоянием? Психика расстроилась?

- Может быть. Она ещё какие-то слова говорила, что и от семьи нашей она понимания и поддержки не получила.

- Ну, да, это всё те же песни: мы во всём виноваты – и сына не так воспитали, и сами не такие, какими родители должны быть. Но она-то куда сама смотрела? Чего же замуж-то пошла, если мы все не такие, как ей нужно? Рассчитывала всех перевоспитать? Не вышло, и теперь злится?

- Мы ведь это уже обсуждали в Тамбове, и вроде бы поняли друг друга, тепло расстались, и вот опять всё сначала?

- Ну, и хрен с ними, пусть разводятся, если не могут вместе жить. Слава Богу, что ребёнка не завели! Ладно, лапонька, ты меня прости, мне тут надо со статьями заканчивать, а то я не успеваю.

Но недолго мне удалось поработать – Митя позвонил.

- Привет. Ну, ты с мамой разговаривал?

- Да. Порадовала она меня. Сообщила, что вы разводиться собрались.

- И как ты к этому относишься?

- А как я могу относиться? Несерьёзно это всё.

- Почему несерьёзно?

- Несколько лет испытывать друг друга, жениться и через год разводиться? Это серьёзно? Что случилось-то сейчас, что явилось каплей, переполнившей чашу Лениного терпения?

- Ничего не случилось. Просто ей надоело моё безответственное отношение к своим семейным обязанностям. И с семьёй нашей отношения не сложились.

- Но конкретная-то причина нынешнего обострения должна быть? Хозяйственные проблемы? Твоя непрактичность, неумелость мужская? Но это же давно известно. Выходит, Лена из практических соображений за тебя замуж пошла, а теперь разочаровалась окончательно? А любовь? Если есть любовь, то остальное ведь как-то на второй план отступает...

- Ну, какие у Лены могли быть практические соображения? – в голосе Мити послышались возмущённые нотки.

Тут я услышал шушуканье Лены, слушавшей нас по параллельному телефону, и Митя попросил прервать наш разговор на несколько минут. А я отвечал ему про себя: как какие? Конечно, она мечтала выйти замуж за немца, чтобы остаться в Германии, состоятельного, хозяйственного, впрочем, они там все такие, но немцы не попадались, а подвернулся Митя, не без некоторых достоинств, сын профессора, хоть и далеко не идеал. Жить, однако-то, вдвоём веселее и экономически выгоднее, вот и сошлись. А потом оказалось – Митя неумеха, родители его никуда не годятся, профессор особенно, вот и надо разводиться.

Митя позвонил снова, и спросил, куда перевести нам деньги, которые мы им дали как бы в долг в Тамбове. Я ответил, что нам деньги сейчас не нужны и не ожидается, что они понадобятся в ближайшем будущем. Пусть они хранятся у них – говорят же: храните деньги в разных корзинах.

- Но это же долг, вы же их в долг дали, а долги надо отдавать!

- Митя, если ты будешь настаивать на обязательном возврате этих денег, ты сильно огорчишь и меня, и особенно маму.

Затем разговор как-то опять переключился на нас – родителей, от которых Леночка не получила никакой поддержки, а одни только обиды.

- Митя, ты о чём?

- На свадьбу не поехали, в церемонии не участвовали.

- Но вы ведь сами сообщили нам об этом как о некоторой технической процедуре, необходимой для того, чтобы налогов поменьше платить, нас не приглашали и с нами ничего не обсуждали.

- Но вы и потом ничего не сделали, чтобы это как-то поправить.

- Когда потом? В Тамбов же вы нас пригласили опять же с оговорками, что там будет сухой закон, вы будете заняты ремонтом и не сможете уделять нам время...

Я забыл добавить, что мы же приглашали их в Италию с нами за наш счёт, в качестве свадебного подарка, поехать, а они отказались. Деньги же, переведённые нами в Тамбов, оказались им совсем уж ничтожным подарком.

- И потом, Митя, чего сейчас об этом опять говорить? Мы же всё обсудили в Тамбове и расстались вполне благожелательно, всё простили друг другу! Сколько же можно одни и те же обиды вспоминать? Ну, откуда в вас такое злопамятство?

- Мы и хорошее тоже помним. Только что вы сделали хорошего? У Леночки умер отец, она надеялась, что ты ей его заменишь. А что ты ей сделал хорошего?

Я опешил.

- Митя, а что я могу сделать на расстоянии? Я вот письма вам пишу подробные, душу свою выкладываю. Они все сохранены, перечитай, неужели там нет ничего хорошего? Это ведь не твои формальные отчёты: были там-то, ели то-то!

- Ну, да, это ладно. А поступки, поступки? – и таким это тоном горячим, что я не выдержал:

- А пошёл ты, сыночка, с такими вопросами! Кладу трубку.

И положил трубку.

Оказывается, это мы виноваты в том, что они разводятся. Ничего хорошего для них не сделали. Ну, что же, может, он и прав - сын-то наш, такого вырастили. И Леночка, действительно, несчастна. При всех своих амбициях и самомнении она наивна и неадекватно оценивает людей, да и свои способности тоже, что и приводит к таким глубоким разочарованиям. А тут ещё эти проблемы со здоровьем! Может, Митя на нас бочки катит, чтобы как-то перед ней оправдаться, как-то ей угодить? Все тут кругом виноваты, как ни крути. Но Митю мне как-то меньше жалко, всё-таки у него есть замещение – наука, а у Леночки?

Мне захотелось сказать ей какие-то слова утешительные, но нужно было заканчивать статьи, и я решил позвонить попозже. Позже, однако, их домашний телефон не отвечал. Наверное, Леночке пора было уезжать, и Митя пошёл её провожать.

Вернувшись вечером домой, я ещё раз позвонил в Констанц, телефон не отвечал. Измерил себе давление: 170 на 105. Позвонил Сашуле:

- Это мы, оказывается, виноваты в том, что они разводятся!

И я рассказал ей о своём разговоре с Митей.

- И это после всех тамбовских выяснений отношений и тёплых прощаний! Ты, Сашенька, только от давления обязательно прими что-нибудь.

- Сейчас водки выпью.

- И позвони им ещё раз. Леночка собиралась всю неделю в Констанце быть. Может, они прогуляться пошли.

Я поужинал с водкой и пивом, а потом ещё раз позвонил в Констанц. Ответил Митя:

- У нас всё нормально. Мы сейчас ужинаем.

- Леночка не уехала, значит?

- Ты хочешь с ней поговорить? Она сама позвонит попозже.

Минут через двадцать позвонила Лена.

- Добрый вечер, Александр Андреевич! Вы хотели что-то сказать мне?

- Да, Леночка. Мне очень жаль, что тебе так не повезло с мужем и его родителями.

- Разве я высказывала Вам какие-либо претензии?

- Нет, но Митя высказывал. Неважно. Я хочу сказать, что, невзирая ни на что, я искренне тепло к тебе отношусь. Я понимаю твоё разочарование. Что поделаешь, люди вот такие разные, и часто их невозможно переделать. В конце концов, не сможете жить вместе – разводитесь, ничего страшного.

- Я тоже считаю, что в разводе ничего страшного нет. И вы ведь со своей супругой, наверное, ссорились.

- Ну, мы-то всё же тридцать девять лет вместе протянули... Но как бы у вас там дальше не сложилось, я желаю тебе счастья, исполнения твоих желаний. Может, найдёшь человека, более соответствующего твоему идеалу. Хочу только одну поговорку напомнить: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем».

- Спасибо, Александр Андреевич, за тёплые слова.

А потом я ещё раз позвонил Сашуле и об этом разговоре рассказал. И вспомнил:

- Сашуля! А какой я сон сегодня видел! Я сажусь в поезд в каком-то странном месте, не на станции, а где-то у дороги в поле жёлтом, как в Швейцарии. И поезд уходит, а там, у дороги остаётся Митя, маленький, лет шести, он смотрит куда-то вдаль, и не видит, что поезд с родителями ушёл, а он остался совсем один. А ты в поезде где-то впереди в другом вагоне ждёшь нас. Но я не иду к тебе, потому что боюсь сказать, что Митя остался. Выхожу на следующей станции и договариваюсь с каким-то мотоциклистом, что он отвезёт меня туда, где остался Митя. И ты уезжаешь дальше одна, я так тебя и не увидел, я сажусь на сиденье мотоцикла сзади и еду к Мите. Но неизвестно, где он, и что он. Вот такой сон.

И где же тот маленький Митя?

- Ах, Сашенька, как это грустно всё! И как жаль, что мы с тобой не вместе сейчас! Вместе легче бы было.

- Ну, мы всё-таки слышим друг друга!

20 июня 2003 г., Мурманск

С Митей я прекратил переписку, а он мне не звонит.

Но я с ним разговариваю, конечно, - в уме. А писать и по телефону говорить – не хочу. Они с Леной там опять всё превратно поймут, скажешь или напишешь чего-нибудь не так – ещё обиды добавятся.

Поступки ему нужны! Какие? Мне к ним приехать – лампочки ввинтить и картины повесить? С ума сошли. Неврозы у них обоих развились что ли?

На свадьбу не приехали, подарка стоящего не сделали, так с этим уже разбирались. С годовщиной свадьбы не поздравили – это, конечно, наш новый прокол. Но если они уже разводиться собрались, то с чем тогда поздравлять-то? С годовщиной взаимных мучений?

Конечно, то, что Митя на нас бочки катит в угоду Леночке, это свинство с его стороны, но по отношению к ней это всё же какое-никакое рыцарство.

Ладно. Что поделаешь? Не можем угодить, так не будем и соваться.

Но ведь их и это не устроит! Они ведь к нам за помощью обращаются. Но почему-то в виде претензий: почему, мол, вы такие-сякие, а не эдакие, как нам бы хотелось?

Люба звонила и про Андрюшку с Маринкой высказалась:

- Дети – сволочи. От них благодарности ни за что не дождёшься. Ни я, ни Жорка с Маринкой не разговариваем. А Андрюшка у неё под пятой.

Понравилась фраза из «Спорт-экспресса» (произнесённая якобы женой президента «Спартака» Андрея Червиченко по поводу его конфликта с главным тренером Олегом Романцевым):

- Ты не мог себе геморрой подешевле купить?

Мой студент-четверокурсник Илья Артамонов подвиг совершил: починил вышедший из строя сложный редакционный принтер, на котором печатается в зеркальном отображении готовый к выпуску «Вестник МГТУ». Университетский центр информационных технологий с этим принтером ничего поделывать не смог, а Илья справился, чем существенно улучшил свой имидж в глазах ответственного секретаря редакции Валерия Николаевича Ярова, который до этого события Илью на дух не переносил из-за его манеры лазить в компьютеры и обновлять там системы, когда его об этом не просят.

Олег Мартыненко по этому поводу сказал:

- Ну, что же, на работу брать надо человека.

А сам, гад, в Америку собрался: выиграл сдуру грин-карту в лотерею. Какую опору я теряю! Он же у меня опекуном был у всех моих аспирантов по части работы с моделью, и в редакции основным специалистом. По знанию программы модели только Сашуля с ним сопоставима, а она работать вообще не рвётся, устала...

С Евгением Дмитриевичем сегодня пообщались в ПГИ и умудрились за первые пятнадцать минут поцапаться (из-за моего намёка, что он платит мне мало), а потом всё же спохватились и ещё минут сорок беседовали очень тепло и делово, сами себе удивляясь – эк нас занесло-то поначалу!

23 июня 2003 г., Мурманск

Вот и перевалили через летнее солнцестояние, день пошёл на убыль, а лета тут пока видно не было. Вчера и позавчера (в субботу, сразу после экзамена, и воскресенье) ездил в Шонгуй, оба раза при северо-восточном ветре, но вчера при солнышке, тем не менее, всё равно мёрз.

Ловил на Кривом, днём. Народу много, и рыба есть, но поймано при мне за два дня было только две сёмги, крупных, килограммов по шесть, и две сошки (одна из них на блесну взяла). У меня же ни поклёвки, зато две мухи потерял и один поплавок.

Мой багорик в деле. Но сёмга не моя. Шонгуй, 22 июня 2007 г.